Искусство счастья. Тайна счастья в шедеврах великих художников

Автор:
Кристоф Андре

Искусство счастья. Тайна счастья в шедеврах великих художников

Кристоф Андре

Подарочные издания. Психология

Эта великолепная книга – прекрасный подарок для любителей живописи и тех, кто интересуется психологией. Знаменитый в России французский психолог и психотерапевт Кристоф Андре размышляет о природе счастья, иллюстрируя свои мысли картинами великих художников Моне, Климта, Ван Гога, Шагала, Гогена, Малевича, Джотто и др.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Кристоф Андре

Искусство счастья. Тайна счастья в шедеврах великих художников

В знак дружеской признательности Андре Конт-Спонвилю

В память Алет и Реми, за пережитые вместе мгновения счастья и несчастья

Christophe Andre

DE L’ART DU BONHEUR.

25 LE?ONS POUR APPRENDRE ? VIVRE HEUREUX

© L’Iconoclaste, Paris, 2011, 2014

© Наумова И.Ю., перевод на русский язык, 2015

© ООО «Издательство «Э», 2016

Счастье – это произведение искусства

«Живопись – это таинство, которое протекает в одиночестве», – писал Ален[1 - Ален – французский философ Эмиль Огюст Шартье (1868–1951). (Здесь и далее прим. перев.)]. Не моя ли профессия психиатра, не любовь ли к интимности и тишине или интерес к движениям наших эмоций влекут меня к живописи и ее власти над нами? Не могу этого утверждать, но мне хотелось бы познакомить читателя с азами своего опыта и его благотворным влиянием: встать лицом к картине, тихо дышать, не нарушая тишины, дождаться, когда картина заговорит с нами, проникнет в нас. Найти для нее место в нашей душе…

На двадцати пяти представленных в этой книге шедеврах изображены лица, формы, движения счастья. Двадцать пять картин побуждают нас к чувству, медитации, размышлению. И двадцать пять «уроков» помогают развить наши способности и стать счастливыми.

Среди художников, воплотивших в своем творчестве мгновения счастья, были те, кто прожил счастливую жизнь, и те, кто был часто и глубоко несчастлив. Но всех их влекла идея счастья и потребность в нем. Все они, даже самые состоявшиеся, сознавали мимолетность и недостижимость счастья.

Поскольку счастье – живая эмоция, она рождается, растет, расцветает, убывает и исчезает. Существует цикл счастья, точно так же, как существует цикл дня и ночи. Это естественное движение послужит для нас нитью Ариадны. Следуя за

ней, мы познакомимся с собранными здесь шедеврами, изображающими утро, полдень, сумерки и ночи счастья. И, конечно, моменты его вечного возрождения…

«Многие говорят: «кто покажет нам благо?»

Ветхий завет, Псалтирь 4:7

Прелюдия

Загадка счастья

Мы так давно ищем его, наше счастье, что иногда начинаем сомневаться в его существовании. Да и есть ли смысл к нему стремиться? Порой мы возвращаемся к обычной жизни, которую нельзя назвать ни абсолютно печальной, ни абсолютно счастливой. Там мы пребываем до тех пор, пока предчувствие его существования снова, помимо нашей воли, не посещает нас, задавая вопросы, требуя решения и обретая над нами власть тайны, которую нужно раскрыть.

Географ на картине Вермеера стремится разгадать загадку совсем иного рода. Может быть, это тайна Рая? Вплоть до XVII века многие великие умы еще верили, что он находится на Земле, и многие размышляли о наиболее подходящем для него месте: Восток, Южная Америка… Несмотря на разделяющие нас века, поиск географа близок нам. В замкнутом пространстве своего кабинета он пытается составить карту мира. Поступим и мы таким же образом, размышляя о счастье. И начнем с нашего личного опыта.

Географ

Ян Вермеер (1632–1675)

1668 г., холст, масло, 52 ? 45,5 см, Художественная галерея, Франкфурт-на-Майне

Незадолго до того, как Вермеер начал писать эту картину, в истории науки произошли глубокие и драматические перемены. Прежде исследования природы звезд, Земли и жизни считались противоречащими божественному замыслу. Всего тридцатью годами раньше Галилей был осужден за сделанные им открытия и, стоя на коленях, отрекся от утверждения, что Земля вращается вокруг Солнца. Но в XVII столетии научное «curiositas» (любопытство, лат.) больше не страшилось запретов религиозных властей и немилости консервативных гуманистов.

В наши дни научные поиски счастья вызывают иронию у некоторых клириков. Напрасную и лживую иронию. Разве знание химической формулы аромата розы делает его менее утонченным и поэтичным?

Да, мы всегда стремились к счастью. Прошло более двух тысяч лет с тех пор, как философы сделали его главным объектом своих исканий: эвдемонизм – от греческого eudaimonismos, счастье. Целью этой философии было помочь людям приблизиться к более счастливой жизни. С некоторых пор ею активно заинтересовались ученые, дав счастью не столь поэтичное название – «субъективное благополучие». В их глазах оно обладает всеми добродетелями: якобы увеличивает продолжительность жизни, улучшает здоровье, делает людей более альтруистичными…

Художники тоже говорили о счастье и о его вечной тени – несчастье. Поэты, писатели, музыканты создавали произведения, способные вызвать у нас слезы или сделать легкомысленными, доверчивыми и счастливыми. Еще более изощренные живописцы могли взволновать нас, изменить нашу привычную манеру восприятия реальности и опасливого ожидания мгновений счастья, ощущения несчастья. Живопись стала для нас ключом, помогающим открыть тайну счастья, загадочным переводчиком, который говорит образами и метафорами, не прибегая к словам и рассуждениям.

Наш географ тоже пытается разгадать загадку. Он давно думает, рассчитывает, находит, одумывается, замечает, что идет ложным путем… И вот он поднимает голову и поворачивается к свету, устремив взгляд в окно, расположенное слева, как всегда на картинах Вермеера. Он долго размышлял. Им овладело предчувствие, что для его поиска недостаточно науки, труда и ума. Он понимает, что теперь должен впустить в себя нечто интуитивное или эмоциональное. Он догадывается, что решение мучающего его вопроса находится не вовне, не на картах, глобусах или стрелках компаса. В этот момент Истории, когда люди мало-помалу перестают верить в то, что рай находится на Земле или на небе, вермееровский географ смутно ощущает, что этот рай, путь к которому он ищет, существует в нем самом…

«Не смеяться, не плакать, не ненавидеть, а понимать».

Спиноза

Утро

Рождение счастья

Сильное и хрупкое, как жизнь

Порыв в синеву. Цветы миндального дерева устремляются в небо. Ничего, кроме белых лепестков и лазурно-голубого цвета. Воплощение счастья, сильного и хрупкого, как жизнь. На протяжении своей короткой, восхитительной и молниеносно пролетевшей жизни Ван Гог, истощенный царившим в его душе хаосом и борьбой с душевной болезнью, здесь сосредоточивается на главном – на порыве жизни. Он выходит за рамки пейзажа, отбрасывает все лишнее, даже ствол дерева, чтобы сконцентрироваться на сочетании крайностей: цветках

миндаля и небе, голубом и белом, смертном и вечном, земном и небесном… Он как будто отринул свои страдания, чтобы навсегда передать нам ощущение счастья от цветущего миндаля.

«То, что человек рожден для счастья, несомненно – вся природа учит нас этому».

Андре Жид

Цветущий миндаль

Винсент Ван Гог (1853–1890)

1890 г., холст, масло, 73,5 ? 92 см, Музей Ван Гога, Фонд Винсента Ван Гога, Амстердам

Ван Гог пишет эту картину в феврале 1890 г., находясь в психиатрической больнице в Сен-Реми-де-Прованс. Он чувствует себя неважно. Его жизнь протекает в ритме изнуряющих приступов безумия. В июле того же года он пустит себе пулю в грудь. Однако 31 января, в Париже, рождается другой Винсент, его крестник, сын его старшего брата Тео. Именно для этого ребенка он создает картину – для существа, жизнь которого едва распустилась, подобно цветкам миндального дерева, расплескавшимся в небе на исходе зимы. В мае Ван Гог покидает Прованс и отправляется в Овер-сюр-Уаз к доктору Гаше. Проездом в Париже он навещает крестника и привозит свой подарок. Расчувствовавшись, старший Винсент рыдает над колыбелью малыша.

Это полотно дает представление о силе восхищения Ван Гога природой и бесконечным великодушием созидания: «Охватывающее меня при виде природы возбуждение доходит до обморока, после чего я не в состоянии работать в течение двух недель».

Урок Ван Гога

Смотреть в небо

«Sequi naturam» – «следуй за природой». Античные философы знали, что существует органическая связь между счастьем и природой. Именно поэтому человек всегда представлял себе рай в виде сада, а не дворца. С точки зрения этимологии слово «парадиз» (рай) происходит от персидского «пари-дейза», которое в греческом языке трансформировалось в «paradeisos», и отсылает нас к образу окруженного стенами, защищенного от обжигающих ветров пустыни оазиса – счастье так хрупко… Природа разными способами помогает нам понять и приблизить счастье. Она позволяет нам соединиться с многообразным миром, который нас окружает: постоянная смена времен года, любимые нами статичные пейзажи, гармоничные отношения с людьми и животными. Она учит нас не ждать ничего определенного: просто быть здесь и наслаждаться.

Природа, позволяя человеку быть ее частью, вселяет в его душу гармонию. Просто ощущай, что живешь среди разных форм жизни, и цени свой шанс – испить простое счастье существования…

Психологи, придерживающиеся теории эволюции, объясняют многие из наших поведенческих реакций и пристрастий рудиментами прежних, животных потребностей. Если людям так нравятся картины природы – окаймленная деревьями река, залитый солнцем морской берег, – значит, они видят в них обещание необходимых для выживания ресурсов, еды, отдыха, лечения… Но кроме удовольствия в нас просыпается смутное и глубинное чувство принадлежности к высшему порядку, который превосходит наше понимание. Вот почему мы не просто наблюдаем за природой или восхищаемся ею. Мы вступаем с ней в сговор, приближаем ее к нашей простейшей сущности – быть живым. Мы погружаемся в природу, возвращаемся к ней. Это происходит, когда мы созерцаем цветущее дерево, когда нас поглощает движение волн или облаков.

Каждый раз, когда мы вдыхаем запах поля или леса, внутри нас отдается далекое эхо счастья этих «биологических встреч» после разлуки. Встречи с природой не только подпитывают наше счастье – они абсолютно необходимы для него.

«Я проснулся ночью и оглядел пейзаж. Никогда, никогда природа не казалась мне такой волнующей и такой хрупкой».

Винсент Ван Гог

Картина Ван Гога могла бы называться «Рождение счастья», потому что здесь есть все, что несет в себе расцвет человеческого счастья: хрупкость и сила, укоренение в жизни и порыв к трансцендентности. Зарождающееся счастье – самое прекрасное в нашей жизни, но и самое уязвимое. Нет ничего проще, чем растоптать его или пренебречь им. Живопись открывает нам глаза, чтобы мы могли увидеть его красоту и хрупкость. Чтобы мы поняли, что жизнь без него немыслима.

Все счастье берет свое начало в таких благословенных моментах. Остановиться, помолчать. Вглядеться, прислушаться, вздохнуть. Восхититься. Принять рождающееся счастье. Постараться ощутить его всюду, где оно есть. Первый и главный урок…

«Когда я поздно вечером прогуливался по обсаженной деревьями аллее, к моим ногам упал каштан. Звук, который он произвел, раскалываясь, эхом отдавшийся во мне, и внезапный испуг, несоразмерный с этим незначительным событием, погрузили меня в чудо, в опьянение бесповоротностью, словно не было больше ни вопросов, ни ответов».

Эмиль Сиоран[2 - Эмиль Сиоран (Чоран) (1911–1995) – французский мыслитель и эссеист румынского (австро-венгерского) происхождения.]

Первые шаги счастья

Дитя прижимается к матери. Оба заснули в нежном и трогательном объятии. Прильнув к скудной материнской груди, младенец как будто насыщается той, что дала ему жизнь, ее теплом и любовью. Как всегда у Климта, самые фантастические декоративные детали сродни гиперреалистичным. Посмотрите на мизинец ребенка, оттопыренный так, словно он хочет охватить еще больше теплого и нежного материнского тела. Посмотрите на его взлохмаченные волосы, спутанные и слипшиеся во сне от пота. Он уткнулся головой в ее плечо, чтобы еще больше слиться с матерью. Посмотрите, каким мирным выглядит ребенок и как мать бережет его сон: должно быть, ей не очень удобно от того, как лежит его голова, но она защищает ребенка, обнимая его своей тонкой рукой. Она питает его любовью, сердце к сердцу, и передает ему нечто большее, голова к голове: это дитя – ее прошлое и будущее.

Три возраста женщины

Густав Климт (1862–1918)

1905 г., холст, масло, 178 ? 198 см, Национальная галерея современного искусства, Рим

Если верить Климту, у мира – женское лицо, всегда чувственное, часто загадочное, иногда ужасающее. Женственность всегда присутствует в его творчестве. Угрюмого, иногда доходящего до грубости Климта его близкие описывали как неприспособленного к жизни одиночку. Его не интересовали ни общественные обязанности, ни коммерческие возможности. Он находил счастье только в работе. «Я твердо знаю, что не особенно интересен как личность», – заявлял он. Что до его связей с женщинами, то известно, что у него было трое незаконнорожденных детей. Эмилия Флёге, вдохновлявшая его и разделившая с ним жизнь, говорила: «Настоящий художник живет только ради своего творчества… Климт был неторопливым творцом… Именно поэтому он, для отвлечения, нуждался в стойком и пламенном вдохновении».

Живопись Климта навевает мысли о великой тайне рождения счастья, а также о тайне дарения нового счастья: счастья, о котором рассказывает эта сцена, счастья наследования и обещания…

«Счастье, животная идея…»

Поль Валери

Урок Климта

Наслаждаться счастьем

Обрести счастье, может быть, означает – снова найти его? В каких далеких воспоминаниях берет свое начало это сложное и тайное чувство, которое называется «счастье»?

Сегодня нам известно, что человеческому существу необходима эмоциональная пища. Дети, лишенные любви, умирают физически или морально. Они страдают без нее, а становясь взрослыми, с трудом находят счастье. Возможно, стать счастливым – значит снова обрести, разбудить воспоминание о прошлом счастье, о самом первом его проявлении – счастье быть любимым и защищенным. Это ранний отпечаток счастья.

В психологии теории отпечатка учат нас тому, что в жизни есть периоды, благоприятные для разного рода обучения. Например, языки: если мы слышим их часто и в раннем возрасте, то усваиваем с легкостью. Также и язык счастья дается нам легче, если он убаюкивал нас с самого раннего детства, если мы выучили его, когда еще не умели правильно произносить слова. Этот первый опыт облегчает все остальное: мы становимся полиглотами, потому что рано выучили несколько языков. Что, если со счастьем происходит то же самое? Что, если счастливое детство позволяет взрослым познать все проявления счастья? Это ранние и невыразимые отпечатки, в которых хранится трепещущее сердце

нашей будущей готовности к счастью, нашей способности почувствовать себя счастливым.

«Откуда унаследовали мы это понятие о счастье? Если оно живет в нашей памяти, значит, когда-то мы были счастливы».

Святой Августин

Если в самом раннем возрасте мы получили отпечаток счастья, это наша первая удача. Отсюда и первая из наших обязанностей: не растерять его, так как нам еще многое предстоит сделать. Но если нам не выпала такая удача, не остается ничего другого, как взяться за работу.

Всегда есть возможность научиться счастью, даже если оно не было нашим родным языком…

Как человек способен почувствовать себя счастливым, став взрослым? Безусловно, в первую очередь благодаря своей памяти о счастье, смутным воспоминаниям о счастливых мгновениях и их ощущении. Чем прочнее и многочисленнее эти воспоминания, тем сильнее наша способность стать счастливыми. Мы знаем, что за столом счастья для нас оставлено место…

Но способность построить свое счастье опирается не только на хранилище воспоминаний. Она также предполагает волю. Как рассказывает Марсель Пруст в романе Обретенное время[3 - Заключительная часть романа «В поисках утраченного времени».]: споткнувшись на мостовой в Венеции о две плитки разной высоты, он вдруг почувствовал глубокое смущение. «Снова меня коснулось блистающее и неразличимое видение, словно говоря мне: «Ухвати меня на лету, если у тебя есть на это силы, и попробуй отгадать загадку счастья, которую я тебе загадаю». Пруст показывает нам, что невнятное воспоминание ничего не стоит без желания возродить ощущение счастья, как у него же, в более известной сцене, с пирожным «мадлен»[4 - Сцена из романа «В сторону Свана» – первого из цикла «В поисках утраченного времени», – когда вкус

пирожного порождает у героя целый поток воспоминаний и эмоций.].

Кроме ранних отпечатков, способность к счастью зиждется на стремлении стать счастливым и прикладывать к этому усилия.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Ален – французский философ Эмиль Огюст Шартье (1868–1951). (Здесь и далее прим. перев.)

2

Эмиль Сиоран (Чоран) (1911–1995) – французский мыслитель и эссеист румынского (австро-венгерского) происхождения.

3

Заключительная часть романа «В поисках утраченного времени».

4

Сцена из романа «В сторону Свана» – первого из цикла «В поисках утраченного времени», – когда вкус пирожного порождает у героя целый поток воспоминаний и эмоций.

Купить: https://tellnovel.com/ru/andre_kristof/iskusstvo-schast-ya-tayna-schast-ya-v-shedevrah-velikih-hudozhnikov

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить